DOI: 10.17976/jpps/2022.05.13

ФОРМИРОВАНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ В ПЕРУ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ОПТИКЕ ДЖ.П. ФЕЛЬДМАНА

О.Л. Краев, М.В. Силантьева

КРАЕВ Олег Леонидович, аспирант, МГИМО МИД России, Москва, email: oleglkraev@gmail.com;
СИЛАНТЬЕВА Маргарита Вениаминовна, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии МГИМО МИД России, Москва, email: silvari@mail.ru

Краев О.Л., Силантьева М.В. 2022. Формирование коллективной памяти в Перу в исследовательской оптике Дж.П. Фельдмана. *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 182-191. https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.13

Статья поступила в редакцию: 21.07.2022. Принята к публикации: 10.08.2022

Аннотация. Исследование Дж.П. Фельдмана "Memories before the State: Postwar Peru and the Place of Memory, Tolerance, and Social Inclusion" (Rutgers University Press, 2021) посвящено процессу создания Места памяти, терпимости и социальной интеграции (LUM) в столице Перу Лиме. На основании аналитических материалов автора книги в статье рассмотрен его нетривиальный подход к проблеме конструирования коллективной памяти. Особое внимание уделяется международной составляющей коммеморативной деятельности и ее влиянию на внутриполитические процессы, сопровождающие инициативы в сфере меморизации. На примере анализа деятельности Комиссии по установлению истины и примирению (КИП) рассматривается динамика концептуализации дискурса постпамяти. Авторы приходят к выводу, что перуанский кейс, включающий в себя не только Место памяти, но и ряд иных проектов в сфере меморизации, позволяет проследить такие аспекты коммеморативной политизации, как опора на дискурс прав человека, вовлеченность в подобные проекты НПО и международных акторов, связь проблематики коммеморации и постпамяти с политикой идентичности.

Ключевые слова: коллективная память, постпамять, Перу, место памяти, НПО, права человека.

Книга американского исследователя из Университета Айдахо Дж.П. Фельдмана "*Memories before the State: Postwar Peru and the Place of Memory, Tolerance, and Social Inclusion*", увидевшая свет в августе 2021 г., является частью серии "Геноцид, политическое насилие, права человека". В этой серии, начатой в 2010 г., представлены работы, раскрывающие тему геноцида, в том числе правовые аспекты преследования его виновников, материалы о последствиях массовых расправ над людьми в разных странах мира, а также анализ вопиющих случаев нарушений прав человека в различные исторические периоды. Значительная часть материалов, вышедших в рамках этой серии книг, затрагивает тему коммеморации, основу которой составляют трагические страницы истории. Также здесь освещается опыт разных стран мира в сфере реализации проектов постпамяти (особенно большое число публикаций посвящено Аргентине, однако рассматриваются и примеры европейских стран, США и др.)[1].

[1] Rutgers University Press. https://www.rutgersuniversitypress.org/series/genocide-political-violence-human-rights/list (accessed 20.04.2022).

На полях заметим, что понятием "постпамять" в научной литературе обычно обозначаются: 1) воспоминания о трагических травмирующих событиях прошлого, передающиеся поколению людей, родившихся уже после того, как эти события имели место; 2) сам процесс передачи этих воспоминаний от одного поколения к другому; а также 3) осмысление произошедшего в настоящем [Hirsch 2008: 106]. Поскольку постпамять рассматривается как групповой феномен, ее принято толковать как частный случай коллективной памяти – совокупности представлений о прошлом, разделяемых той или иной социальной группой. Коллективную память, в свою очередь, интерпретируют в качестве конструируемого "макропсихологического феномена", обладающего выраженной контекстуальностью, имеющего заметную зависимость от экономико-политических и культурно-исторических условий; но главное – коллективная память связана с "потребностью актуализировать какое-либо содержание исторических событий", с эмоциями и ценностями [Емельянова 2019: 7-8]. Коллективная память и постпамять находятся в сложной динамической зависимости от исторической памяти, которая представляет собой совокупность формализованных [Сульжицкий 2017: 117] и "институционально заданных" [Емельянова 2019: 7] трактовок событий прошлого.

Книга Дж.П. Фельдмана анализирует процесс создания *Места памяти, терпимости и социальной интеграции* (*El Lugar de la Memoria, la Tolerancia y la Inclusión Social – LUM*)[2] – музейного пространства, посвященного перуанскому внутреннему вооруженному конфликту последних двух десятилетий XX в., развернувшемуся, между, с одной стороны, вооруженными силами страны, ее полицией и подразделениями самообороны, а с другой – леворадикальными повстанческими группировками "Сияющий путь" и Революционное движение им. Тупака Амару, которые стремились к захвату власти. В книге *Memories before the State* представлен богатый материал, который позволяет проследить страновую специфику политизации коммеморационных проектов (не только Места памяти, терпимости и социальной интеграции, но и других рассматриваемых в исследовании Дж.П. Фельдмана инициатив).

Политизация[3] проблематики коллективной памяти [Хальбвакс 2005: 17; Ассман 2004: 85; 2006: 207], как и политизация подобных музейных пространств [Williams 2007: 8], представляется сегодня общим местом. Тем не менее Дж.П. Фельдману на примере конкретного кейса удалось, на наш взгляд, выделить ряд специфических аспектов динамики этого процесса в Перу, имеющих прежде всего региональное (но не только региональное) значение. В частности, один из источников политизации здесь сугубо конструктивистский, это – тесная связь с темой прав человека.

Проблематика прав человека крайне политизирована, на что обращают внимание многие исследователи. Например, эта тема может быть использована как предлог для оказания политического давления на оппонентов, прямого и косвенного вмешательства международных акторов (включая международные организации) во внутренние дела государств; или – что не менее важно – может восприниматься странами, ставшими объектом внешнего воздействия, в качестве инструмента политического давления [Рустамова 2019: 94; Myers 2021: 131-132;

[2] Далее названия *Место памяти...* и *LUM* используются как синонимы.

[3] На всякий случай напомним: под "политизацией" обычно имеется в виду переход вопроса, не имеющего прямой связи с политикой (точнее, находящегося на периферии по отношению к противостоянию политических сил), в политическую плоскость с целью продвижения определенной повестки [Zürn 2019: 977-978].

Terman, Byun 2022: 385]. Показательно, что о политизации соответствующего дискурса говорят сегодня не только ученые-теоретики, но и практики в сфере правозащитной деятельности самого высокого международного уровня[4].

Но вернемся к книге Дж.П. Фельдмана. Несмотря на то, что он уделяет большое внимание самой концепции пространства *Места памяти...*, наиболее значимые его наблюдения связаны с дискуссиями внутри команды проекта, демонстрировавшими влияние политических интересов различных групп и отдельных лиц на ход работы и принимаемые решения.

В первую очередь Дж.П. Фельдман отмечает, что *LUM* не был первой инициативой в сфере формирования исторической памяти о перуанском вооруженном конфликте. Важной вехой здесь стала работа *Комиссии по установлению истины и примирению* (КИП) (2001–2003), которая занималась выяснением фактов о преступлениях того периода. КИП была учреждена в 2000 г. после импичмента (вызванного, кстати, коррупционным скандалом) авторитарного президента А. Фухимори. То есть возникла эта структура в период переходный, когда во властных кругах стремительно росло влияние правозащитных НПО и лиц, находившихся в оппозиции прежнему режиму [Root 2009: 464-466]. В скобках необходимо отметить, что личность Фухимори, в частности в контексте создания *Места памяти...*, имела большой конфликтный потенциал. Хотя Фухимори и сумел провести эффективные экономические реформы, многократно увеличив объемы иностранных инвестиций в перуанскую экономику, его подход к госуправлению характеризовался использованием силовых средств для подавления инакомыслия, коррупцией и концентрацией большого объема власти в руках самого президента [Дабагян 2013: 56-58]. Его реальная и устойчивая популярность нашла специфическое подтверждение в том, насколько осторожно команда проекта *Места памяти...* подходила к освещению преступлений периода правления Фухимори, стремясь не навредить "долговечности проекта" и избежать углубления раскола внутри ответственной за разработку *LUM Комиссии высокого уровня (High-Level Commission)*[5] (часть ее членов симпатизировала правоориентированному курсу экс-президента) [Feldman 2021: 106]. Одной из прямых угроз долговечности проекта *Места памяти...* была осязаемая вероятность прихода к власти радикальных приверженцев правой идеологии, в первую очередь К. Фухимори – дочери экс-президента, которая в своей политической программе открыто опиралась на наследие отца и сформированный вокруг него культ личности, продвигая идею создания "музея победы" (государства над "террористами") в духе консервативной трактовки вооруженного конфликта, а не "музея памяти" [ibid.: 42][6].

По результатам работы КИП был подготовлен итоговый доклад из 9 томов, содержащий большой объем документов и свидетельств, анализ об-

[4] Заявление Верховного комиссара ООН по правам человека Наванетхем Пиллэй в рамках представления Годового отчета. *Организация Объединенных наций*, 03.03.2011. https://www.ohchr.org/ru/statements/2011/03/statement-ms-navanethem-pillay-united-nations-high-commissioner-human-rights (accessed 02.05.2022); Speakers warn against politicization of human rights issues on United Nations agenda, as third committee continues wide-ranging debate. *United Nations*, 28.10.2008. https://www.un.org/press/en/2008/gashc3929.doc.htm (accessed 02.05.2022).

[5] Не путать с упоминаемой в статье Комиссией истины и примирения (КИП).

[6] Carlos Bejar-Garcia. Populism and Peru: How a Dangerous Ideology Caused the Country's Recent Instability. *Harward International Review*, 29.03.2021. https://hir.harvard.edu/populism-and-peru-how-a-dangerous-ideology-caused-the-countrys-recent-instability (accessed 02.05.2022).

стоятельств, которые спровоцировали конфликт, а также рекомендации относительно дальнейших шагов для компенсации ущерба жертвам – предоставление доступа к образованию, здравоохранению, восстановление в правах, а также проведение коммеморативных мероприятий и создание музеев, возведение памятников и т.д. [de Waardt 2013: 835; Feldman 2021: 9]. Тем самым была заложена идейная основа будущего проекта *Места памяти*...

Несмотря на международное признание заслуг КИП, единая и превалирующая трактовка исторических событий того периода все же не появилась. Более того, в результате ее деятельности окончательно оформился раскол заинтересованных сторон на две основные группы: убежденных в правоте государства и поддерживающих его политических сил, в том числе военных, заостряющих внимание на преступлениях повстанцев, и на приверженцев концепции "прав человека", нарратива, в центре которого находятся преступления в отношении мирного населения как таковые, т.е. совершенные как незаконными вооруженными формированиями, так и агентами государства [Willis 2021: 665]. При этом нельзя сказать, что причиной этих разногласий стала дискуссия вокруг *LUM*: скорее это был новый виток в "противостоянии нарративов", отражением которого стало параллельное создание к тому моменту музеев двух типов. Одни ориентировались на героизацию перуанских военнослужащих периода вооруженного противостояния. Другие (так называемые *дома памяти*) были заняты меморизацией фактов дискриминации и насилия в отношении мирного населения Перу [Milton 2018: 135-136].

Возможно, наиболее противоречивым выводом КИП, оказавшим влияние на отказ властей признать девятитомник в качестве официальной трактовки произошедшего, стало указание на причастность вооруженных сил к преступлениям в отношении мирных жителей, а также упоминание влиятельных политических и религиозных деятелей в числе лиц, способствовавших разжиганию конфликта [Milton 2014: 4-11]. Также источником повышенного раздражения относительно результатов деятельности КИП были опубликованные ею оценки численности погибших, более чем в два раза превосходившие прежние подсчеты (69 280 против 27 000), а также свидетельства того, что 75% жертв были сельскими жителями, говорившими на кечуа и других языках коренных народов [de Waardt 2013: 834]. Таким образом, итоговый доклад обнажил глубокие проблемы Перу, такие как неравенство, дискриминация по принципу этнической принадлежности и социальная изоляция обширных групп.

Также в рамках работы КИП была подготовлена выставка "*Yuyanapaq: para recordar*". Это название состоит из двух частей: первая – на кечуа, вторая – на испанском, при этом обе означают "чтобы помнить"[7]. Выставка включила в себя около 200 фотографий, полученных в период проведения расследований и сбора документальных подтверждений преступлений периода конфликта. Ее материалы охватывали основные события, ассоциируемые в массовом сознании с тем периодом (резня в Учураккае 1983 г., поимка предводителя "Сияющего пути" А. Гусмана в 1992 г. и др.), а также не столь широко обсуждаемые (и известные) эпизоды: кровопролитие в регионе Анд и Амазонии, применение вооруженными силами тактик "грязной войны", действия подразделений самообороны в ответ на террор "Сияющего пути" и т.д. По мнению Фельдмана,

[7] Alianza Francesa de Lima presenta exposición fotográfica "Yuyanapaq: para recordar". *LUM*, 19.10.2016. https://lum.cultura.pe/noticias/alianza-francesa-de-lima-presenta-exposici%C3%B3n-fotogr%C3%A1fica-yuyanapaq-para-recordar (accessed 03.06.2022).

эта выставка стала наиболее сильным средством популяризации результатов работы КИП и привлечения внимания общества к происходившему в удаленных регионах страны в период вооруженного конфликта [Feldman 2021: 63-65][8].

Один из ключевых и наиболее острых вопросов, стоявших перед *Комиссией истины и примирения*, звучал так: кого в конфликте считать героем, а кого преступником? Хотя "Сияющий путь" и признали "главным ответственным" за преступления, выводы КИП, учитывавшие и факты совершения противозаконных действий военнослужащими, были восприняты многими наблюдателями как приравнивание вооруженных сил к "террористической организации". Во многом это случилось из-за предрассудков в отношении членов КИП, имевших репутацию людей левых взглядов, а потому, дескать, симпатизировавших "Сияющему пути" [Heilman 2018: 11].

Нельзя не отметить, что конфликтогенный характер дискуссии по поводу создания *Места памяти...* в Лиме дополнительно усиливал политическую активность вокруг этого проекта. Это было обусловлено тем, что коллективная память может выступать важнейшей предпосылкой формирования национальной идентичности, конструирование которой предполагает сегодня широкое применение практик коммеморации [McDowell 2008: 42; Drozdzewski, Waterton, Sumartojo 2019: 253-254], когда политические силы ведут "селекцию" выгодных для них компонентов прошлого и его трактовок. Значительную роль в этом процессе могут играть "методы политико-идеологического и государственного принуждения", а также превосходство в ресурсах того или иного актора [Севастьянова, Ефременко 2020: 72-76].

С этой точки зрения, полагает Фельдман, представляет интерес одна из коммеморативных инициатив в Перу, реализованная за несколько лет до создания *Места памяти...* Разразившийся вокруг нее скандал и совершенные в отношении нее акты вандализма наглядно иллюстрируют степень политизации подобных проектов. Такой инициативой стала скульптурная композиция "Плачущий глаз" 2005 г., состоящая из 32 тыс. камней с именами жертв конфликта, нанесенными на них автором проекта Л. Муталь согласно предоставленному ей КИП списку. Когда в 2006 г. по итогам расследования внесудебной расправы военных и полицейских над находившимися в тюрьме "Кастро Кастро" бойцами "Сияющего пути" Межамериканский суд по правам человека обязал перуанские власти выплатить компенсации родственникам погибших, принести публичные извинения, а также гарантировать включение их имен в ранее упомянутую скульптурную композицию, в Перу поднялась волна возмущения, одним из выразителей которого был глава государства А. Гарсия. Накал страстей повысился еще больше, когда выяснилось, что имена упомянутых в решении суда лиц были включены в композицию монумента изначально [Feldman 2021: 31].

Уместно упомянуть еще одно событие, связанное с ролью зарубежных структур в повышении градуса дискуссии вокруг коммеморативной деятельности в Перу, которое положило начало реализации проекта *LUM*. Речь идет о предложенном немецким правительством пожертвовании на создание такого музея в размере 2 млн долл., которое правительство А. Гарсии первоначально отвергло. По мнению Фельдмана, некоторые консервативные силы, настроенные враждебно в отношении проекта с его ярко выраженной

[8] Хотя музейное пространство *LUM* задумывалось как "дом" для выставки "*Yuyanapaq: para recordar*", ввиду большой конфликтности, сопряженной с работой КИП, и многочисленных споров и разногласий внутри и вокруг проекта от этой концепции было решено отказаться.

ориентацией на дискурс “прав человека”, активно использовали аргументы секьюритизации, а именно трактовали действия иностранных доноров как вмешательство во внутренние дела перуанского государства [ibid.: 32].

Стоит подчеркнуть, что в исследовательском труде Фельдмана присутствует большой (и не вполне раскрытый) потенциал – в том, что касается анализа работы и мотивации различных неправительственных организаций (НПО), участвовавших в работе над проектом или наблюдавших за его созданием (преимущественно со стороны). Трактовка деятельности неправительственных структур как защитниц интересов общества получила широкое распространение в научном сообществе, подкрепляемая позитивным освещением их работы в СМИ [Schoenefeld 2021: 590], тем не менее едва ли стоит ограничиваться только ею. Фельдман же рассматривает повестку НПО сугубо с декларируемых ими самими позиций: если, например, организация объединяет пострадавших военных, то ее целью является отстаивание определенной интерпретации событий вооруженного конфликта с позиций военных – и не более того. Более продуктивной представляется иная позиция, учитывающая наличие повышенного интереса международных спонсоров к неправительственным структурам, особенно занятым в таких “нематериальных” областях, как права человека, а это, в свою очередь, оказывает заметное влияние на избираемые такими организациями цели и вектор работы.

Как же тогда разобраться в многоголосице суждений о “разном прошлом”? Ряд аналитиков предлагает прежде всего проследить мотивы (политические или иные) коммеморативных инициатив (включая в анализ состав участников проекта, источники финансирования, организации, от имени которых действуют субъекты коммеморации, – государство, иностранные диппредставительства, международные организации, гражданское общество и т.д.) [Русаков, Русакова 2020: 38-39]. На наш взгляд, стоит учитывать, что в перуанском контексте организации гражданского общества определенно не чужды участию в политических процессах. Так, представители Национального координатора в сфере прав человека (*Coordinadora Nacional de Derechos Humanos, CNDDHH*) – коалиции правозащитных организаций Перу – открыто высказывались против расширения влияния К. Фухимори и характеризовали возможность ее прихода к власти как “неминуемую угрозу”, мобилизуя в 2016 г. единомышленников на митинги и демонстрации “в защиту демократических институтов”[9].

Общественный резонанс вокруг *Места памяти...* привел к тому, что в конечном итоге пожертвование немецкого правительства, о котором говорилось ранее и от которого правительство Перу первоначально отказывалось, было принято, и за реализацию проекта взялось государство. Фельдман комментирует эту ситуацию как выбор властями “меньшего из зол”: участие в создании пространства для реализации правозащитной коммеморативной деятельности стало для официальных структур способом снизить остроту общественной дискуссии и нивелировать проблему ответственности (избежав, например, проведения судебного разбирательства в отношении лиц, подозреваемых в совершении преступлений в эпоху вооруженного конфликта) [Feldman 2021: 18].

[9] Anuncian nueva marcha en Perú contra la candidatura de Keiko Fujimori. *América Economía*, 24.05.2016. https://www.americaeconomia.com/politica-sociedad/anuncian-nueva-marcha-en-peru-contra-la-candidatura-de-keiko-fujimori (accessed 15.05.2022); Jorge Bracamonte: “Estamos tomando partido en defensa de la institucionalidad democrática”. *Coordinadora Nacional de derechos Humanos*, 23.03.2016. https://derechoshumanos.pe/2016/03/jorge-bracamonte-estamos-tomando-partido-en-defensa-de-la-institucionalidad-democratica (accessed 15.05.2022).

Место памяти... оказалось таким образом "под присмотром". Реализацию проекта снабдили специально созданным бюрократическим аппаратом, благодаря чему власти могли оказывать значительное влияние на ход работы над *Местом памяти...* — например, через формирование концепции этого общественного пространства путем назначения руководства проекта. Стоит также упомянуть о достаточно широко распространенной в период скандала в связи с отказом от пожертвования точке зрения, согласно которой у А. Гарсии была причина относиться к идее реализации такого рода коммеморативной инициативы особенно настороженно. Речь шла о нежелании акцентировать внимание общественности на нарушениях прав человека, совершенных агентами государства в период его первого президентства (1985-1990) [ibid.: 32]. Одним из таких событий, к которому, возможно, имел отношение президент, является расправа в 1986 г. над повстанцами "Сияющего пути", находившимися в заключении в тюрьме "Эль Фронтон"[10].

При внимательном чтении книги Фельдмана хорошо просматривается двойственная позиция перуанских властей в отношении проекта *Места памяти...* С одной стороны, упомянутые выше причины и стремление к укреплению позитивного международного имиджа побудили их пойти по пути претворения в жизнь этой ориентированной на права человека инициативы и даже предоставить помещения в МИД Перу для работы команды проекта [ibid.: 34]. С другой стороны, Фельдман намечает (но не комментирует) несколько проблем, само наличие которых позволяет судить об истинном отношении государства к этому проекту, запущенному по соображениям политической целесообразности. Во-первых, инициативу отличало хроническое недофинансирование, в связи с чем поддержка зарубежных доноров (ФРГ, ЕС, Швеции и ПРООН) постепенно получала все большее значение для поддержания жизнеспособности проекта [ibid.: 43, 53]. По наблюдению Фельдмана, эта помощь не только давала материальные основы для продолжения работы над *LUM*, но и повышала степень его легитимности: так, проведение ряда совместных с посольством США мероприятий и привлечение к проекту американских специалистов в сфере коммеморации сужали возможности критики проекта из-за его якобы левой ориентации [ibid.: 53]. Во-вторых, показательно, что препятствование *Комиссии высокого уровня* по разработке *Места памяти...* некоторым идеям (в частности внедрению в его концепцию рассказа о периоде, предшествовавшем вооруженному конфликту) названо Фельдманом "смирительной рубашкой", из которой непосредственные исполнители проекта пытались вырваться, отвечая на соответствующий запрос представителей объединений заинтересованных лиц (правозащитников, членов семей пострадавших и т.д.) [ibid.: 105-107]. В-третьих, одним из завершающих этапов реализации *Места памяти...* стал так называемый *процесс участия* (*participatory process*), предполагавший широкое обсуждение смыслового наполнения *LUM* и его концепции. Мероприятия *процесса участия* состоялись в разных регионах страны с привлечением представителей организаций пострадавших, властей, частного сектора, полиции, вооруженных сил, творческого сообщества, правозащитников и журналистов. Подобная стратегия представляла собой по сути попытку внедрить в работу над проектом демократические механизмы,

[10] La Justicia procesa a exmarinos por la masacre de El Frontón que dejó 133 muertos. *EFE*, 08.09.2017. https://www.efe.com/efe/cono-sur/destacada-cono-sur/la-justicia-procesa-a-exmarinos-por-masacre-de-el-fronton-que-dejo-133-muertos/50000832-3374005 (accessed 05.06.2022); ¿Qué fue lo que sucedió en el penal de la isla El Frontón? *Caretas*, 13.12.2019. https://caretas.pe/politica/galeria-que-fue-lo-que-sucedio-en-el-penal-de-la-isla-el-fronton (accessed 05.06.2022).

сделав его более транспарентным за счет приглашения к обсуждению концепции *LUM* людей, стоящих "по разные стороны" общественной дискуссии – то есть дать слово и сторонникам правозащитного нарратива, и военным. Однако эта инициатива была загнана в весьма жесткие рамки, а представители *Комиссии высокого уровня* дали недвусмысленно понять участникам обсуждения, что окончательное решение все равно будет принимать она [ibid.: 107].

Хотя Фельдман и отмечает, что *процесс участия* был достаточно эффективен в том, чтобы повысить авторитет проекта [ibid.: 120], заметим, что эта инициатива имела существенные недостатки. Одна из значительных претензий к авторам "идеи участия" заключается в том, что к дискуссиям не привлекались бывшие повстанцы – по причине противодействия представителей официальных властей самой возможности диалога с "террористами" [Dietrich 2019: 68].

С учетом остроты дискуссий, сопровождавших работу над *LUM*, понятно стремление команды проекта быстрее завершить его. Нет ничего удивительного в том, что в концепции *Места памяти...* прослеживается попытка придерживаться некого "срединного" компромиссного пути. Так, в *LUM*, "музей, ориентированный на права человека" (как его именует автор исследования, подразумевая превалирование одного из двух основных нарративов), была включена секция, посвященная героизму военных, проявленному в операции по освобождению заложников, захваченных бойцами Революционного движения им. Тупака Амару в здании японского посольства в Лиме и удерживаемых ими в течение нескольких месяцев. Автор исследования отмечает, что некоторые члены команды не поддерживали эту инициативу, поскольку существовали свидетельства того, что операция силовиков сопровождалась внесудебными расправами над повстанцами [Feldman 2021: 129-130]. Тем не менее можно заключить, что прагматизм победил, и, как заметил один из видных деятелей политической жизни Перу, открыто придерживавшийся правых взглядов, планировавшие это пространство музейные специалисты "лишили освещаемую в нем тематику остроты" ("*decaffeinated*") [ibid.: 139].

Подводя итог, необходимо отметить, что безусловная ценность труда Дж.П. Фельдмана заключается прежде всего в использовании уникального материала, собранного в ходе полевых исследований и интервью с непосредственными участниками работы над *Местом памяти...*, свидетелями разногласий внутри руководящего состава проекта, противниками и сторонниками его реализации. Именно благодаря контакту с теми, кто имел прямое отношение к этой инициативе, завершившейся открытием *LUM* 17 декабря 2015 г., становится возможным узнать многие детали, оставшиеся "за кадром". Собранный автором материал содержит большой объем свидетельств, позволяющих судить о высоком конфликтогенном потенциале тематики постпамяти и коммеморативных инициатив в перуанском контексте. Одним из факторов, обусловливающих дискуссионность событий, решений и мнений вокруг *LUM*, КИП, скульптуры "Плачущий глаз" и др., является их тесная связь с проблематикой прав человека, политизированность которой велика сегодня как в международном, так и национальном контексте. Поверхностный характер *процесса участия*, организованного *Комиссией высокого уровня* по разработке *LUM*, вызван не только нежеланием государства плотно заниматься проектом, но прежде всего его идеологической "сомнительностью" с позиции официальных властей. Это наталкивает на мысль, что на тот момент сама возможность диалога с бывшими "террористами" для них была исключена. Политическую неприемлемость ряда аспектов проекта для официальных властей подчеркивало его систематическое недофинансирование.

С другой стороны, участие в нем официальной Лимы показывает политический характер решения, принимавшегося с точки зрения рационального учета возможных издержек (в первую очередь имиджевых) и преимуществ (укрепление позитивной репутации, возможность поставить команду проекта в нужные рамки и назначить в руководители подходящих людей) для правительства А. Гарсии. Результатом противостояния музейных нарративов стало компромиссное решение проекта, где музейное пространство сформировано как попытка учета плюрализма мнений, пусть и не состоявшаяся в полной мере.

DOI: 10.17976/jpps/2022.05.13

COLLECTIVE MEMORY FORMATION IN PERU THROUGH THE LENS OF J.P. FELDMAN'S RESEARCH

O.L. Kraev[1], M.V. Silantieva[1]

[1] MGIMO University. Moscow, Russia

KRAEV, Oleg Leonidovich, postgraduate student, MGIMO University, email: oleglkraev@gmail.com; **SILANTIEVA, Margarita Veniaminovna,** Dr. Sci. (Philos.), Head of Department of Philosophy, MGIMO University, email: silvari@mail.ru

Kraev, O.L., & Silantieva, M.V. (2022). Collective memory formation in Peru through the lens of J.P. Feldman's research. *Polis. Political Studies*, 5, 182-191. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.13

Received: 21.07.2022. Accepted: 10.08.2022

Abstract. J.P. Feldman's book "Memories before the State: Postwar Peru and the Place of Memory, Tolerance, and Social Inclusion" (Rutgers University Press, 2021) focuses on the process of establishing the Place of Memory, Tolerance and Social Inclusion (LUM) in Lima, Peru. On the basis of the author's analytical materials, the article examines Feldman's non-trivial approach to the problem of the construction of collective memory. Particular attention is paid to the international component of commemorative work and its influence on domestic political processes accompanying commemorative initiatives. The analysis of the Truth and Reconciliation Commission (TRC), to which Feldman pays considerable attention in his book, reveals the dynamics of the conceptualization of postmemory discourse. The authors conclude that the Peruvian case, which includes not only the Place of Memory, but also a number of other memorialization projects, allows us to trace such aspects of commemorative politicization as the reliance on human rights discourse, the involvement of NGOs and international actors in such projects, and the connection of the issues of commemoration and postmemory with identity politics.

Keywords: collective memory, postmemory, Peru, place of memory, NGO, human rights.

References

Dietrich, M.-C. (2019). Pursuing the perpetual conflict: ethnographic reflections on the persistent role of the 'terrorist threat' in contemporary Peru. *History and Memory*, 31(1), 59-86. http://dx.doi.org/10.2979/histmemo.31.1.04

Drozdzewski, D., Waterton, E., & Sumartojo, S. (2019). Cultural memory and identity in the context of war: Experiential, place-based and political concerns. *International Review of the Red Cross*, 101(910), 251-272. https://doi.org/10.1017/S1816383119000110

de Waardt, M. (2013). Are Peruvian victims being mocked? Politicization of victimhood and victims' motivations for reparations. *Human Rights Quarterly*, 35(4), 830-849. http://www.jstor.org/stable/24518036

Feldman, J. P. (2021). Memories before the State: Postwar Peru and the place of memory, tolerance, and social inclusion. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.

Heilman, J. (2018). Truth and reconciliation commission of Peru. *In Oxford Research Encyclopedia of Latin American History*. https://doi.org/10.1093/acrefore/9780199366439.013.495

Hirsch, M. (2008). The generation of postmemory. *Poetics Today*, 29(1), 103-128. https://doi.org/10.1215/03335372-2007-019

McDowell, S. (2008). Heritage, memory and identity. In *The Ashgate Research Companion to Heritage and Identity* (pp. 37-53). Abingdon: Routledge.

Milton, C.E. (2014). Art from a fractured past: memory and truth-telling in post-shining path Peru. Durham: Duke University Press Books.

Milton, C.E. (2018). Conflicted memory: military cultural interventions and the human rights era in Peru. Madison, WI: University of Wisconsin Press.

Myers, A. (2021). Politicizing international human rights: the United States' border apartheid policies and the universality of human rights. *University of California Irvine Journal of International, Transnational, and Comparative Law*, 6, 123-139. https://scholarship.law.uci.edu/ucijil/vol6/iss1/7

Root, R.K. (2009). Through the window of opportunity: the transitional justice network in Peru. *Human Rights Quarterly*, 31(2), 452-473. http://www.jstor.org/stable/20486759

Schoenefeld, J.J. (2021). Interest groups, NGOs or civil society organisations? The framing of non-state actors in the EU. *VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 32, 585-596. https://doi.org/10.1007/s11266-020-00283-w

Terman, R., & Byun, J. (2022). Punishment and politicization in the international human rights regime. *American Political Science Review*, 116(2), 385-402. https://doi.org/10.1017/S0003055421001167

Williams, P. (2007). Memorial museums: the global rush to commemorate atrocities. Oxford; New York, NY: Berg.

Willis, D. (2021). A politics of placelessness? The limits of democratising memory in the Centro de Documentación e Investigación of Lima's Lugar de la Memoria. *Memory Studies*, 14(3), 663-674. https://doi.org/10.1177/17506980211010935

Zürn, M. (2019). Politicization compared: at national, European, and global levels. *Journal of European Public Policy*, 26(7), 977-995. https://doi.org/10.1080/13501763.2019.1619188

Assmann, A. (2006). Der lange Schatten der Vergangenheit: Erinnerungskultur und Geschichtspolitik. (Russ. ed.: Assmann, A. Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika. Moscow: New Literary Observer).

Assmann, J. (2004). Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. (Russ. ed.: Assmann, J. Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti. Moscow: Languages of Slavic Culture).

Dabagyan, E. (2013). Peru: emerging regional giant. *World Economy and International Relations*, 12, 56-65. (In Russ.) https://doi.org/10.20542/0131-2227-2013-12-56-65

Emel'yanova, T.P. (2019). Kollektivnaya pamyat' o sobytiyakh Otechestvennoi istorii: sotsial'no-psikhologicheskii podkhod [Collective memory of the events of Russian history: a socio-psychological approach]. Moscow: Institute of Psychology RAS. (In Russ.)

Halbwachs, M. (2005) La mémoire collective. (Russ. ed.: Halbwachs, M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat'. Moscow: New Literary Observer).

Rusakov, V.M., & Rusakova, O.F. (2020). Infrastructure of the new national memory politics in the post-soviet space. To the statement of a problem. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 2, 27-47. (In Russ.) https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10202

Rustamova, L.R. (2019). Human rights issues in dialogue among states. *Pathways to Peace and Security*, 1, 83-95. (In Russ.) https://doi.org/10.20542/2307-1494-2019-1-83-95

Sevastyanova, Ya.V., & Efremenko, D.V. (2020). Securitization of memory and dilemma of mnemonic security. *Political Science (RU),* 2, 66-86. (In Russ.) http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.02.03

Sulzhytski, I.S. (2017). Formation and development of memory studies: the sociological project of M. Halbwachs. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*, 4, 112-122. (In Russ.)

Литература на русском языке

Ассман А. 2006. *Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика*. М.: Новое литературное обозрение.

Ассман Я. 2004. *Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. М.: Языки славянской культуры.

Дабагян Э. 2013. Перу: восходящий региональный гигант. *Мировая экономика и международные отношения*. № 12. С. 56-65. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2013-12-56-65

Емельянова Т.П. 2019. *Коллективная память о событиях Отечественной истории: социально-психологический подход*. М.: Институт психологии РАН. 299 с.

Русаков В.М., Русакова О.Ф. 2020. Инфраструктура новой политики национальной памяти на постсоветском пространстве. К постановке проблемы. *Дискурс-Пи*. Т. 17. № 2. С. 27-47. https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10202

Рустамова Л.Р. 2019. Проблема прав человека в межгосударственном диалоге. *Пути к миру и безопасности*. № 1. С. 83-95. https://doi.org/10.20542/2307-1494-2019-1-83-95

Севастьянова Я.В., Ефременко Д.В. 2020. Секьюритизация памяти и дилемма мнемонической безопасности. *Политическая наука*. № 2. С. 66-86. http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.02.03

Сульжицкий И.С. 2017. Становление и развитие memory studies: социологический проект М. Хальбвакса. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. № 4. С. 112-122.

Хальбвакс М. 2005. Коллективная и историческая память. *Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа*. М.: Новое литературное обозрение. С. 16-50.